

И.Ф. Нильский

Речь по поводу рассуждений о
нуждах единоверцев, сказанная
25 февр. 1871 г. в заседании
Санкт-Петербургского отдела
Общества любителей духовного
просвещения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1873. № 6. С. 259-313.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

РѢЧЬ

по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрцевъ, сказанная профессоромъ Н. Ө. Цильскимъ 25 февраля въ засѣданіи с.-петербургскаго отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія (').

Ваше Императорское Высочество! Мил. г.г.!

Прежде, чѣмъ что либо замѣтить на положенія, высказанныя Т. И. Филипповымъ, считаю своимъ долгомъ выразить высокопочтенному Обществу мою глубочайшую благодарность за честь, которую оно мнѣ сдѣлало, пригласивъ меня къ обсужденію, весьма важнаго для православной церкви и весьма дорогаго для меня по моимъ спеціальнымъ занятіямъ вопроса. Считаю лишнимъ говорить, какъ высоко цѣню я эту честь и какъ буду счастливъ, если своими замѣтками помогу хотя сколько нибудь разъясненію вопроса, возбуждающаго доселѣ столько недоразумѣній. Обращаясь къ вамъ, Т. И., считаю долгомъ принести и вамъ мою благодарность за то, что вы, человекъ свѣтскій, возбудили церковный вопросъ, дѣйствительно нуждающійся въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ разъ-

(') Печатается согласно стенографическому отчету, составленному весьма неудовлетворительно и, по возможности, исправленному впоследствии.

ясненіи. Считаю долгомъ поблагодарить васъ и за то, что вы въ вашемъ чтеніи упомянули мое имя и сочли возможнымъ воспользоваться нѣкоторыми данными, высказанными мною въ печати, хотя въ то же время не могу не выразить и удивленія по поводу того употребленія, какое вы сдѣлали изъ данныхъ, находящихся въ разныхъ печатныхъ трудахъ моихъ. Впрочемъ объ этомъ рѣчь послѣ; а теперь, отвѣчая на ваши положенія, я прошу у васъ позволенія держаться не того порядка, какой вы сейчасъ указали, а порядка вашего чтенія, котораго я не слышалъ, но съ которымъ познакомился въ рукописи, доставленной мнѣ вами, за что также приношу вамъ мою благодарность.

Общая и первая ваша мысль—та, что, по неизмѣнному началу вселенской православной церкви, «единство вѣры состоитъ въ безусловно согласномъ исповѣданіи догматовъ и что этому единству не препятствуетъ различіе въ обрядахъ». Эту мысль вы подкрѣпляете нѣсколькими примѣрами. Прежде всего вы указываете на слѣдующій примѣръ изъ первыхъ временъ христіанской церкви. Когда епископъ смирнскій Поликарпъ прибылъ изъ малой Азіи въ Римъ и когда при этомъ обращено было вниманіе на то, что малоазійскія церкви праздновали Пасху въ 14-й день низана, еврейскаго мѣсяца, въ какой бы день недѣли ни приходилось это число, тогда какъ въ Римѣ праздновали ее въ первый воскресный день послѣ 14-го числа низана,—эта разность въ празднованіи дня Пасхи, говорите вы, не только не послужила причиной какого-либо недоразумѣнія между римскимъ и смирнскимъ епископами, напротивъ, первый пре-

доставилъ послѣднему честь первенства при сослуженіи. Впослѣдствіи, когда епископъ римскій Викторъ поднялъ вопросъ о времени празднованія Пасхи и хотѣлъ подчинить западному обряду восточныя церкви,—епископъ ліонскій Иринеи напомнилъ Виктору примѣръ его предшественника, поступившаго такъ миролюбиво съ епископомъ смирскимъ, не даль разростись недоразумѣнію между церквами и тѣмъ доказалъ опять, что свобода обряда должна быть въ церкви, что разность въ обрядѣ не препятствуетъ единству вѣры и церковному общенію. Все это— правда, и такимъ образомъ историческая основа вашего доказательства—вѣрна. Но я позволяю себѣ напомнить вамъ, что въ дальнѣйшей дѣятельности церкви этотъ самый вопросъ (о днѣ празднованія Пасхи) уже не считался безразличнымъ. Когда на первомъ вселенскомъ соборѣ было опредѣлено праздновать Пасху такъ, какъ праздновалась она на западѣ, т. е. въ первый воскресный день послѣ 14-го дня мѣсяца низана, и когда послѣ этого опредѣленія нѣкоторые изъ малоазійскихъ христіанъ не хотѣли оставить своего обычая—праздновать Пасху 14-го числа низана, на какой бы день недѣли ни падало это число,—обычая, имѣвшаго начало отъ апостоловъ Филиппа и Іоанна Богослова, и соблюдавшагося такими почтенными мужами, какъ Поликарпъ, епископъ смирскій,—церковь на соборахъ послѣдующихъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, нашла это невозможнымъ, и лицъ, которыя не хотѣли слушаться опредѣленія 1-го вселенскаго собора относительно этого обряда, причислила къ еретикамъ, назвала ихъ четырехдесятниками, и пріемъ ихъ въ церковь опредѣлила чрезъ муропома-

заніе. Первое правило антиохійскаго собора говорить: «всѣ дерзающіе нарушать опредѣленіе святаго и великаго собора, въ Никеи бывшаго, о святомъ праздникѣ спасительная Пасхи да будутъ отлучены отъ общенія и отвержены отъ церкви, аще продолжать любопрительно возставати противу добраго установленія (это — рѣчь о мірянахъ); если же кто изъ представителей церкви, епископъ, пресвитеръ, или діаконъ, послѣ сего опредѣленія дерзнетъ, къ развращенію людей и къ возмущенію церковей, особитися и со іудеями совершати Пасху: таковаго святой соборъ отныпѣ уже осуждаетъ быти чуждымъ церкви, яко содѣлавшагося не только виною грѣха длясамого себя, но и виною разстройства и развращенія многихъ. И не токмо таковыхъ соборъ отрѣшаетъ отъ священнослуженія, но и всѣхъ дерзающихъ быти въ общеніи съ ними, по ихъ изверженіи изъ священства». Другія правила, которыя показываютъ, что древняя церковь, послѣ того, какъ былъ установленъ опредѣленный день для празднованія Пасхи, безразлично относилась къ этому вопросу, находятся въ числѣ правилъ II-го и VI-го вселенскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Такимъ образомъ ваше положеніе относительно широкой свободы обряда, мнѣ кажется, слишкомъ обще, и безъ ограниченій (по крайней мѣрѣ относительно разсматриваемаго вопроса о времени празднованія Пасхи) едва-ли можетъ быть принято.

Обращаюсь къ другому вашему доказательству. Вы говорите, что въ церкви различныя чины установились не вдругъ, что они вводились постепенно и слѣдовательно должны были быть различны въ разныхъ церквахъ. Между тѣмъ изъ за этого, при един-

ствѣ вѣры, согласіе между церквами не нарушалось. Въ доказательство вы приводите заимствованныя изъ моей статьи слова константинопольскаго патріарха Паисія, обращенныя къ Никону патріарху,—слова, которыхъ я не могу привести буквально, но смыслъ которыхъ могу передать весьма точно. Паисій писалъ Никону, что церковь не отъ начала приняла все то чинослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно, и что прежде святыхъ—Дамаскина, Косьмы и другихъ пѣснотворцевъ мы не пѣли ни тропарей, ни канонѣвъ, ни кондаковъ: все это однакожъ не производило раздѣленій между церквами, когда соблюдалась неизмѣнно та же вѣра, и онѣ не считались ни еретическими, ни раскольническими. При этомъ вы говорите, что константинопольскій патріархъ, обуздывая ревность нашего патріарха, замѣтилъ, что и нынѣ не должно думать, будто возвращается наша вѣра православная, если кто либо творитъ слѣдованіе свое, немного различное отъ другаго въ вещахъ, несущественныхъ, или, какъ сказано въ скрижали, «яже не суть существенныя», т. е. не касающихся членѣвъ вѣры, лишь бы только неизмѣнно сохранялось единство вѣры. Такимъ образомъ, по видимому, и это доказательство подкрѣпляетъ вашу мысль о широкой свободѣ обряда въ церкви, какъ вы выражаетесь. Между тѣмъ въ той же самой скрижали, въ томъ же посланіи константинопольскаго патріарха Паисія, только въ отвѣтѣ на другой вопросъ, именно въ отвѣтѣ на вопросъ Никона, какъ поступить ему съ епископомъ коломенскимъ Павломъ и протопопомъ Іоанномъ Нероновымъ, которые, какъ писалъ Никонъ, содержали свои особыя книги, свое особое крестное зна-

меніе, соверпали своей службы и т. д., Паисій, писавшій, по видимому, о свободѣ обряда, замѣтилъ: «все это— знаменіе ереси и раздора; пусть или нелицемѣрно примутъ то, что содержитъ наша православная церковь, или, по первомъ и второмъ наказаніи, если пребудутъ не исправлены, да отвержете ихъ и разлучите ихъ изверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ я смертною пажитію»... Здѣсь рѣчь шла объ особыхъ книгахъ, объ особомъ крестномъ знаменіи и въ некоторыхъ другихъ обрядахъ, въ которыхъ указанная лица были не согласны съ Никономъ; и однако же на сдѣланный Паисію вопросъ, какъ поступить съ епископомъ Навломъ и Іоанномъ Нероновымъ, восточный святитель отвѣчалъ, что содержи-мая ими особенности—знакъ ереси и раздора и что если они не покорятся, то отлучить ихъ отъ церкви; «и будите, прибавлялъ Паисій, имѣти и насъ и весь о насъ соборъ таяжде мудрствующими въ семь».

Въ доказательство той же безусловной свободы обряда въ древней церкви вы указываете, между прочимъ, на то обстоятельство, что восточные святители и разные наши единовѣрцы: греки, сербы и т. д., посѣщавшіе нашу русскую церковь въ то время, когда у насъ содержался дониконовскій, такъ называемый, старый обрядъ, замѣчали, конечно, этотъ обрядъ, видѣли отличіе его отъ обряда, который содержала восточная церковь, тѣмъ не менѣе не заявляли никакихъ недоразумѣній по этому поводу, даже ни однимъ словомъ не упомянули объ этой разности въ обрядѣ. Въ подтвержденіе своей мысли вы ссылаетесь, какъ на особенно важный аргументъ, на то обстоятельство, что у насъ нѣсколько десятилѣтій прожилъ извѣст-

ный Максимъ грекъ свитогорецъ, который однако же ни слова не сказалъ объ особенностяхъ нашего обряда и не поставилъ этой особенности въ вину русской церкви. Но неужели вы забыли, что Максимъ грекъ очень жаловался на то, что наши богослужебныя книги были неисправны, что напр. въ нашихъ толковыхъ евангеліяхъ Сынъ Божій проповѣдывался «умершимъ безконечною смертію», въ часословцахъ воплотившееся Слово называлось «единымъ точію чедовѣкомъ», а въ тріодахъ Сынъ Божій величался «созданнымъ и сотвореннымъ по божеству»? Вы скажете, что здѣсь рѣчь шла о серьезныхъ вещахъ, о еретическихъ мысляхъ. Но я указалъ на это только кстати, имѣя въ виду людей, вѣрующихъ доселѣ въ непогрѣшимость старинныхъ, дониконовскихъ книгъ главный же вопросъ вотъ въ чемъ. Максимъ грекъ, не ограничиваясь указаніемъ серьезныхъ ошибокъ въ нашихъ старыхъ книгахъ, горячо возставалъ, между прочимъ, противъ неправильнаго чтенія нашими предками символа вѣры, т. е. противъ такой особенности, которою доселѣ старообрядцы нѣсколько отличаются отъ церкви православной. И въ этомъ случаѣ онъ горячо возставалъ не противъ чтенія: «и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго», неправильность котораго понятна всѣмъ, хотя мало-знакомымъ съ греческимъ языкомъ (здѣсь не мѣсто говорить, какъ правильно перевести слово: *τὸ κύριον*—Господа, или истиннаго, хотя можно замѣтить что соединять эти два значенія одного слова и читать: «и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго» значитъ—вносить въ 8-й членъ символа лишнее слово противъ греческаго текста), но

противъ неправильностей гораздо менѣе значительныхъ. «Не говори, писалъ Максимъ, что не велика особенность въ мудрованіи, на которое отваживаются нынѣ. Анаѳемъ подвергаетъ она и васъ, которые говорите: изъ Маріи, а не отъ Маріи; чаемъ, а не чаю; жизни будущая въ вѣки, а не будущаго вѣка». Чтобы показать неправильность такихъ выраженій, Максимъ грекъ писалъ, даже цѣлыя слова, подъ названіемъ: «сказаніе о еже како подобаетъ извѣстно блюсти исповѣданіе православныя вѣры». Такимъ образомъ Максимъ грекъ не оставался безразличнымъ даже къ такой разности, какъ чтеніе въ символѣ вѣры словъ: «будущая въ вѣки» вмѣсто—«будущаго вѣка», и под.

Что же касается другихъ восточныхъ святителей, то дѣйствительно мы не знаемъ ихъ замѣчаній относительно особенностей московскаго обряда. Но изъ этого я не рискну выводить заключеніе, чтобы такихъ замѣчаній не было; если же и согласиться на такое заключеніе,—и могу объяснить молчаніе восточныхъ святителей другими обстоятельствами, именно тѣмъ, что восточные святители большею частію пріѣзжали къ намъ для того, чтобы заручиться отъ насъ бѣльшею или меньшею милостынею для своихъ нуждъ и своего бѣдственнаго состоянія; а, разумѣется, когда просятъ чего нибудь, тогда не считаютъ удобнымъ замѣчать недостатки того, у кого просятъ, а напротивъ начинаютъ хвалить щедродателей, и иногда такъ преувеличенно, что похвалы причиняютъ ущербъ собственному достоинству просителей. Такъ большею частію и поступали восточные гости и даже тѣ изъ восточныхъ святителей, на которыхъ вы указываете—Іеремія патр. констан-

тинопольскій, ставившій перваго нашего патріарха Іова, и Θεофанъ, патріархъ іерусалимскій, рукополагавшій нашего патріарха Филарета. Грамоты того и другаго занесены въ нашу древнюю кормчую и напечатаны при Никонѣ. Въ нихъ восточные святители хвалили русское благочестіе въ ущербъ своему собственному. Если вѣрить этимъ грамотамъ, то Іеремія и Θεофанъ говорили слѣдующее: «на Руси только истинное благочестіе, а на востокѣ отъ агарянъ христіанамъ греческаго закона насиліе и озлобленіе, церквамъ Божиимъ запустѣніе и разореніе, и утѣшенія ни откуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго русскаго царя, яко той единъ на вселенной владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовой»; а это значило, что нужно было давать «разореннымъ грекамъ» больше денегъ. Впрочемъ я могу указать фактъ, изъ котораго видно, что и восточные святители не безразлично относились къ нашему московскому обряду. Вы, надѣюсь, читали «Слово отвѣщательное», которое Никонъ говорилъ на соборѣ 1656 года предъ лицомъ всего русскаго духовенства (Никонъ въ санѣ новгородскаго митрополита большею частію жилъ въ Москвѣ и потому зналъ, что тамъ дѣлалось). Въ этомъ словѣ онъ прямо говорилъ, что восточные святители, въ родѣ Паисія іерусалимскаго, пріѣзжавшаго къ намъ въ 1649 году и ставившаго Никона, чудовскаго архимандрита, въ новгородскаго митрополита,—Аеанасія патріарха константинопольскаго и другихъ, не разъ «зазирали» нашему патріарху и много осуждали его за неисправленіе священныя книги и за другія церковныя вины, и, между прочимъ, за то, что въ нашей

церкви крестное знамені совершалось тогда двумя перстами. Я не имѣю основанія отвергать справедливость этого свидѣтельства.

Въ подтвержденіе той же мысли о широкой свободѣ обряда въ церкви вы указываете, между прочимъ, на посланіе восточныхъ патріарховъ къ англиканской церкви (въ 1723 г.), въ которомъ восточные святители предлагали англиканской церкви соединеніе съ православною церковію на основаніи извѣстныхъ 18 членовъ вѣры, содержащихъ въ себѣ изложеніе православной вѣры, составленное на іерусалимскомъ соборѣ 1672 года. Что же касается до разныхъ обычаевъ и чиноположеній церковныхъ, то восточные святители замѣчали—что? Вы сами же привели слѣдующія ихъ слова: «все сіе, когда состоится единеніе въ вѣрѣ, легко и удобно будетъ исправить». Изъ этихъ слово видно, что и обряду они придавали кое-какое значеніе, когда говорили, что можно будетъ легко исправить и обрядъ, какъ скоро состоится единеніе въ вѣрѣ.

Наконецъ, вы ссылались на недавнее посланіе Святѣйшаго Синода константинопольскому патріарху Анѣиму VI, по поводу извѣстнаго заявленія г. Овербека о томъ, что онъ вмѣстѣ съ своими единомысленными соотечественниками желалъ бы устроить особую православную западную церковь, во всемъ существенномъ вполнѣ согласную съ православною восточною церковію, но съ особыми обрядами и съ особымъ чиномъ послѣдованія литургіи. Въ посланіи, какъ вы знаете, Св. Синодъ дѣйствительно высказалъ мысль, что, по его мнѣнію, можно согласиться на такое устройство западной церкви—съ особыми

обрядами и что можно даже позволить западнымъ православнымъ совершать литургію по представленному г. Овербекомъ служебнику. Но почему вы не обратили вниманія на дальнѣйшія слова посланія: «съ тѣми исправленіями, которыя исчислены въ прилагаемыхъ замѣчаніяхъ»? Значить, и здѣсь не совершенное безразличіе къ обряду.

Впрочемъ, не останавливаясь болѣе на разборѣ доказательствъ, которыя вы привели въ подтвержденіе своей общей мысли о широкой свободѣ обряда и которыя, какъ вы видѣли, показываютъ нѣсколько иной взглядъ церкви на этотъ вопросъ, я долженъ сказать, что, на мой взглядъ, церковь даже и не можетъ безразлично относиться къ вопросу объ обрядѣ. Правда, обряды—не догматы вѣры, не основныя начала нравственности; только тѣ и другія неизмѣнны, святы и спасительны. Церковь очень хорошо это знаетъ,—знаетъ, какое значеніе имѣетъ обрядъ въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Но если церковь имѣетъ право и обязанность заботиться, чтобы мысль вѣрующихъ была вѣрна, то никто не можетъ отказать ей въ правѣ заботиться и о томъ, чтобы и выраженіе этой мысли было возможно вѣрно и правильно, т. е., чтобы и обрядъ былъ точнымъ выраженіемъ тѣхъ здравыхъ словесъ, о которыхъ говорить апостоль и которыхъ церковь должна быть вѣрною хранительницею. Если же вы возьмете во вниманіе еще то обстоятельство, что въ основѣ каждаго обряда лежитъ какая либо вѣроисповѣдная мысль, въ такомъ случаѣ, надѣюсь, согласитесь, что допустить полную свободу обряда едва ли даже возможно. Впрочемъ и вы сами сдѣлали въ скобкахъ замѣтку, съ

новеніями (я прошу извиненія, если рѣчь моя кому либо не нравится, но, я говорю правду). Этотъ пунктъ прямо показывалъ, что чада единой, святой соборной и апостольской церкви, если, какъ говорилъ митрополитъ Платонъ, и признавали истинность и святость церкви православной, то признавали не такъ, какъ мы, — не по православному. Другими словами: изъ этого пункта было видно, что обрядамъ православія просители не давали того значенія, какое даемъ имъ мы. Мало того: они считали эти обряды до того неправильными, что не хотѣли лицъ, содержащихъ эти обряды, принимать вмѣстѣ съ собою на молитву; а вы знаете, кого по взгляду нашего народа не должно принимать на молитву? Человѣка неправославнаго, еретика. Такимъ образомъ 5-й пунктъ просьбы московскихъ единовѣрцевъ показывалъ, что эти лица, если и искали церкви, то не съ той открытой душой, какъ можно бы было желать, но искали съ предубѣжденіемъ противъ православныхъ обрядовъ—до того сильнымъ, что не хотѣли молиться вмѣстѣ съ лицами, содержащими эти обряды. Послѣ этого, съ одной стороны, я нахожу весьма законнымъ отвѣтъ митрополита Платона на 5-й пунктъ просьбы московскихъ старообрядцевъ, въ которомъ недозволеніе православныхъ въ единовѣрческіе храмы признано дѣломъ предосудительнымъ,—съ другой, этимъ пунктомъ я объясняю и то ограниченіе, которое высказано въ 11 пунктѣ правилъ о единовѣрціи, т. е., чтобы православный только въ случаѣ крайней нужды могъ обращаться къ единовѣрческому священнику за принятіемъ таинства евхаристіи. При такомъ ограниченіи единовѣрчія вовсе не имѣлось въ виду опредѣ-

леніе Собора 1667 г., а имѣлся въ виду тотъ виѣшній характеръ сближенія съ церковію, который высказанъ былъ старообрядцами въ ихъ прошеніи и который, къ сожалѣнію, у большинства единовѣрцевъ продолжается и доселѣ. Вотъ—главная причина, почему доселѣ единовѣріе не пользуется полноправіемъ, или, какъ выражаетесь вы, полнотою церковныхъ правъ. Если бы всѣ единовѣрцы были похожи на достопо-чтеннаго о. Павла прусскаго, который присоеди-нивши какого либо старообрядца къ церкви, послѣ изъявленія этимъ старообрядцемъ желанія отслу-жить благодарственный молебенъ, приглашаетъ для сослуженія съ собою и православнаго священника и съ нимъ вмѣстѣ молебствуетъ въ домѣ новаго единовѣрца,—или на ученика Павла, извѣстнаго о. Кон-стантина Голубова; въ такомъ случаѣ предоставить единовѣрцію всю полноту церковныхъ правъ было бы не особенно опасною вещію. Но если, какъ показы-ваютъ опытъ и несомнѣныя свидѣтельства, боль-шинство единовѣрцевъ находится къ церкви почти въ такомъ же виѣшнемъ отношеніи, въ какомъ стоятъ къ ней и сами старообрядцы; если, какъ показы-ваютъ несомнѣныя свидѣтельства (напр. свидѣтель-ства чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, ко-торые въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ посылались въ разныя губерніи: черниговскую, саратовскую, костромскую и др. для обозрѣнія раскола), сами единовѣрческіе священники съ преду-бѣжденіемъ смотрятъ на православныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ въ былое, хотя и недавнее, время принимали, при поступленіи на приходы, даже, такъ называемую, исправу; если и въ наши дни встрѣчаются единовѣр-

ческіе священники, которые отсовѣтываютъ своимъ прихожанамъ подходить подъ благословеніе епархіальнаго архіерея, а нѣкоторые доходятъ даже до того, что—тяжело сказать—перекрещиваютъ дѣтей своихъ прихожанъ, которыя по какимъ либо обстоятельствамъ были крещены въ православной церкви: то, въ виду такого отношенія къ православію большинства единоувѣрцевъ, дозволить свободный переходъ изъ православія въ единовѣріе, или позволить по крайней мѣрѣ православнымъ свободно пользоваться таинствами въ единовѣрческихъ церквахъ, не значить ли увеличивать число лицъ, которыя съ предубѣжденіемъ смотрять на православную церковь и ея уставоположенія, такъ, что даже гнушаются общемою съ православными молитвою?

Такимъ образомъ, ратовать за то, чтобы каждому изъ насъ было дозволено свободно пріобщаться въ единовѣрческихъ храмахъ, не значить ли испрашивать на то, чего не желаютъ сами единовѣрцы;—такъ какъ всѣмъ извѣстно, что до настоящаго времени почти во всѣхъ единовѣрческихъ церквахъ, за исключеніемъ церквей, находящихся подъ вѣдѣніемъ о. Павла прусскаго, вывѣшены рамки, въ которыхъ красуется не утвержденный митрополитомъ Платономъ 5 пунктъ просьбы московскихъ старообрядцевъ, написанный на листѣ бумаги, гдѣ чада единой, святой соборной и апостольской церкви такъ выражаютъ свои отношенія къ намъ православнымъ: «въ Высочайше утвержденныхъ 27 октября 1800 года пунктахъ изображено (въ 5-мъ): не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады брѣющихъ и про-

чая имѣющихъ несогласія древнимъ обычаямъ». Послѣ этого, какъ же я могу принять таинство причащенія въ единовѣрческой церкви? Не иначе, какъ отказавшись отъ своего троеперстія и отъ тѣхъ обрядовъ, которые я усвоилъ себѣ съ дѣтства и которые привыкъ уважать, какъ сынъ православной церкви; такъ какъ съ троеперстнымъ крестнымъ знаменіемъ и съ другими обрядами православія сами единовѣрцы меня не примутъ. А что я не клевету на нихъ, на это можно было бы представить не мало доказательствъ, которые находятся въ моей статьѣ, напечатанной въ «Христ. Чтеніи» за 1870 годъ. Здѣсь я укажу только на то, что въ самые послѣдніе годы епархіальные архіереи очень часто получаютъ донесенія о томъ, что тѣ или другіе единовѣрцы просятъ перевести ихъ священника въ другое село — за что?—или за то, что жена единовѣрческаго священника, входя въ единовѣрческій храмъ, крестилась тремя перстами, или за то, что единовѣрческіе священники принимали православныхъ въ единовѣрческіе храмы, допускали ихъ ко кресту, позволяли имъ становиться на клиросъ и т. д. Если же единовѣрцы относятся къ православнымъ такъ нелюбезно; то есть ли основаніе желать, чтобы намъ было позволено свободно ходить въ единовѣрческія церкви и пользоваться тамъ таинствами, когда сами единовѣрцы запираютъ отъ насъ свои храмы? Вотъ, по моему мнѣнію, главная причина, по которой доселѣ существуетъ ограниченіе касательно полноты церковныхъ правъ единовѣрія.

Что же касается общей причины, то и она можетъ имѣть нѣкоторое значеніе. Надѣюсь, вы не ста-

нете спорить, что обряды православія болѣе правильны, чѣмъ обряды единовѣрія и старообрядства, что книги, которыя содержитъ православная церковь, болѣе вѣрны, чѣмъ книги дониконовскаго изданія, содержимыя единовѣрцами; а если такъ, то какое же основаніе церкви позволять, чтобы чада ея отъ обряда правильнаго переходили къ менѣе правильному? Положимъ, обрядъ не весьма важная вещь; но припомнимъ слова апостола, который говоритъ, что христіане не только должны быть *утверждены въ томъ же разумнѣи и въ той же мысли*, но должны и *тожеде глаголати вси*, т. е., должны быть не только единомысленны въ вѣрѣ, но согласны и въ словесномъ выраженіи своихъ религіозныхъ убѣжденій, или, по слову церковной пѣсни, должны славить Бога не только единымъ сердцемъ, т. е. согласнымъ исповѣданіемъ, убѣжденіемъ, вѣрой, но и едиными усты, т. е. одинаковыми священными пѣснями и словами. Миѣ кажется, такой взглядъ на дѣло составляетъ другую причину, по которой доселѣ существуетъ ограниченіе для православныхъ относительно пользованія таинствами единовѣрческой церкви. Не то этимъ хочетъ церковь сказать, чтобы она придавала обряду слишкомъ большое значеніе, и еще менѣе хочетъ сказать, будто она думаетъ, что обряды единовѣрія менѣе спасительны, чѣмъ обряды православія; церковь хорошо знаетъ, что *царство Божіе не въ словеси, а въ силѣ*. Указаннымъ ограниченіемъ церковь хочетъ сказать, что чадамъ, рожденнымъ и воспитаннымъ ею, переходить отъ правильнаго обряда къ менѣе правильному нѣтъ никакого основанія; а зная, что большинство этихъ чадъ весьма нера-

зумно, зная пропаганду старообрядчества, церковь может даже опасаться, чтобы позволеніе православнымъ свободно пользоваться таинствами единовѣрческой церкви не послужило въ ущербъ православію и къ усилению единовѣрія, или вѣриве, къ усилению старообрядчества. Поэтому желать и требовать отъ церкви подобнаго позволенія едва ли можно.

Что касается другаго противорѣчія, въ которое будто бы стали митрополитъ Платонъ и Св. Синодъ, допустивъ единовѣріе, и которое вы видите въ томъ, что въ единовѣрії дозволено употребленіе обрядовъ, которые будто бы, подъ угрозою анаемы, были запрещены Соборомъ 1667 года; то я съ своей стороны такого противорѣчія не нахожу, не смотря на все доказательства, которые вы приводили въ подтвержденіе мысли, будто бы Соборъ 1667 года безусловно запретилъ употребленіе доиконовскаго обряда. Я прошу позволенія разобрать эти доказательства.

Первымъ изъ нихъ является ссылка ваша на нѣкоторые факты изъ моей статьи, помѣщенной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1870 годъ, впрочемъ не подписанной мною, хотя вы и утверждали весьма настойчиво въ прошломъ засѣданіи совершенно противное,—ссылка, за которую я вамъ очень благодаренъ. Но, признаюсь откровенно, вы крайне удивили меня, цитую въ подтвержденіе своей мысли указанные факты и притомъ—съ моимъ именемъ. Все ваше чтеніе показываетъ, что вы глубоко заинтересованы вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Отъ невозможности разрѣшить его вы, по вашимъ словамъ, читали и перечитывали по нѣскольку разъ соборныя поста-

новленія объ этомъ предметѣ и разныя сочиненія нашихъ писателей, а между тѣмъ, какъ я сейчасъ покажу, вы крайне небрежно относитесь къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ стараетесь утвердить вашу мысль. Вы сказали, между прочимъ, что первымъ доказательствомъ того, что Соборъ 1667 г. безусловно запретилъ употребленіе дониконовскаго обряда, могутъ служить два факта, которыхъ прежде вы не знали и которые берете изъ моей статьи. Эти факты касаются соловецкихъ раскольниковъ и раскольниковъ, дѣйствовавшихъ въ 1682 году, подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, которые, желая сохранить свои старые обряды, въ тоже время изъявляли будто бы согласіе быть въ общеніи съ церковію и которымъ однакоже было предложено принять обряды исправленные, т. е. другими словами, было отказано въ этомъ общеніи изъ за нежеланія ихъ оставить старые обряды. Между тѣмъ я нигдѣ не говорилъ этого. Правда, мысль эта находится въ моей статьѣ, но это не моя мысль...

Т. И. Филипповъ. Это все равно.

Профессоръ Нильскій. Зачѣмъ же вы приписали мнѣ эту мысль? Вѣдь вы знаете, гдѣ и какъ помѣщены мною указанные вами факты? Говоря, что клятва Собора 1667 года смущаетъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, я рѣшился показать, въ чемъ собственно состоятъ недоразумѣнія тѣхъ и другихъ относительно этого предмета. Я высказалъ эти недоразумѣнія въ скобкахъ, какъ чужія мысли, а свою рѣчь повелъ уже послѣ того, замѣчая, что, во первыхъ, не все то, что написано объ этомъ предметѣ со стороны православныхъ, убѣдительно для раскольниковъ и единовѣр-

цевъ и, во вторыхъ, что многія изъ указанныхъ недоразумѣній совершенно неосновательны.

Т. И. Филипповъ. Но вы сообщили эти факты безъ всякой оговорки. Я зналъ, что это не вы говорите, а старообрядцы; но нигдѣ не нашелъ въ вашей статьѣ, чтобы вы опровергали эти факты. О фактической сторонѣ вы ничего не сказали. Я замѣчу только одно: если бы этого факта не было, то онъ былъ бы пропущенъ.

Профессоръ Нильскій. Во всякомъ случаѣ я хочу указать на то, что, судя по тому интересу, съ которымъ вы относитесь къ разсматриваемому нами вопросу, можно было думать, что вы съ полнымъ вниманіемъ отнесетесь и къ доказательствамъ, какія признаете возможнымъ привести въ подтвержденіе вашей мысли. Между тѣмъ вы взяли въ основаніе своей мысли факты, приведенные мною отъ лица старообрядцевъ и единовѣрцевъ, которымъ въ этомъ случаѣ вѣрить на слово нельзя. Если же я не опровергалъ этихъ фактовъ, то потому, что полемика не была задачею моей статьи. Я привелъ въ статьѣ нѣсколько и другихъ фактовъ, не опровергая ихъ, а сказавъ только вообще, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть доля правды, но многіе неосновательны. Впрочемъ, не въ этомъ вопросъ, а въ томъ, что вы, въ подтвержденіе своей мысли, привели подъ моимъ именемъ факты весьма крупнаго свойства, не обращая вниманія на то, что я указалъ эти факты отъ лица старообрядцевъ и единовѣрцевъ; тогда какъ вамъ слѣдовало бы справиться съ челобитными соловецкихъ и московскихъ раскольниковъ-стрѣльцовъ, и тогда вы узнали бы, дѣйствительно-ли указанные раскольники,

прося позволенія оставаться при старыхъ обрядахъ, въ тоже время выражали желаніе быть въ общеніи съ церковію, какъ православною. Въ челобитной, на примѣръ, соловецкой вы прочитали бы слѣдующее: «бьютъ челомъ нищія твои, государь, богомольцы— о томъ, что никоновы ученики завели новую, —не-знаемую вѣру, по своему плотскому мудрованію, а не по апостольскому и св. отецъ преданію, вѣру же нашу истинную похулили, исказили и развратили» (1).

«Вы утверждаете, что Св. Синодъ, допустивши единовѣріе, сталъ въ противорѣчіе съ соборнымъ опредѣленіемъ 1667 года. Это противорѣчіе вы видите въ томъ, что, по вашему мнѣнію, клятва Собора 1667 года была изречена если не на обряды, какъ думаютъ нѣкоторые, то, несомнѣнно, на всѣхъ тѣхъ, кто, вопреки соборному опредѣленію, продолжалъ употреблять, такъ называемые, старые дониконовскіе обряды, хотя бы онъ желалъ находиться въ общеніи съ церковію, или проще: на употребленіе этихъ обрядовъ, которое между тѣмъ въ единовѣрїи дозволено; хотя есть еще третій взглядъ на разсматриваемый предметъ, и вы не скрываете, что его раздѣляли самыя почтенныя лица, на прим. московскій митрополитъ Филаретъ, — взглядъ тотъ, что Соборъ 1667 года наложилъ клятву не на содержаніе старыхъ обрядовъ, а на тѣхъ, кто изъ за этихъ обрядовъ отдѣлялся отъ церкви, хулилъ ея обряды и таинства. Въ подтвержденіе своей мысли вы приносите прежде всего опредѣленіе Собора 1666 года, а за тѣмъ опредѣленіе Собора 1667 года. Я могъ бы

(1) Дальнѣйшая часть рѣчи была сказана послѣ продолжавшагося нѣсколько минутъ перерыва засѣданія.

остановиться весьма подробно на этихъ опредѣленіяхъ; но, въ виду того обстоятельства, что одни, читая эти опредѣленія, приходятъ къ мысли, будто бы клятва Собора наложена на обряды, какъ думаютъ старообрядцы и нѣкоторые единовѣрцы, другіе, читая тѣ же самыя опредѣленія, приходятъ къ мысли, что клятва изречена только на употребленіе этихъ обрядовъ, независимо отъ отношенія читателей ихъ къ церкви, какъ думаете и вы, и наконецъ третьи приводятъ еще ту мысль, которую раздѣляю и я и которую, какъ я сказалъ, раздѣлялъ, между прочимъ, и преосв. митрополитъ Филаретъ,—мысль, что клятва касается лицъ, которыя изъ за этихъ обрядовъ отдѣляются отъ церкви,—въ виду сказаннаго, я прошу позволенія обойти эти опредѣленія, какъ такія, изъ которыхъ можно выводить различныя заключенія, и перейти прямо къ фактамъ, которыми вы стараетесь подтвердить правильность своего взгляда на соборную клятву, изреченную будто бы на употребленіе старыхъ обрядовъ. Прежде всего, въ подтвержденіе своей мысли, вы указываете на соловецкихъ раскольниковъ и на раскольниковъ, которые дѣйствовали въ Москвѣ въ 1682 г., подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята. Это основаніе, какъ я уже сказалъ, не состоятельно. Соловецкіе раскольники, прося позволенія остаться при старыхъ обрядахъ, въ тоже время называли вѣру, содержащую православную церковію, новою, незнаемою, развращенною вѣрою. Раскольники, дѣйствовавшіе въ 1682 году, подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята, желали не единенія съ церковію, но того, чтобы новые обряды были уничтожены, а мѣсто ихъ заняли старые, чтобы власти дали отвѣтъ, почему

онѣ воздвигаютъ гоненіе на людей, держащихся древняго благочестія; новую же вѣру, т. е. вѣру, содержащую церковію, раскольники-стрѣльцы называли еретическою, латино-римскою. Мало того: въ челобитной стрѣлецкой было указано такъ много заблужденій, вкравшихся будто бы въ церковь, что когда грамотные люди прочитали ее стрѣльцамъ, послѣдніе замѣтили, что они никогда «не слышали толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». Слѣдовательно, мысль, будто соловецкіе раскольники и стрѣльцы-раскольники, желая остаться при старыхъ обрядахъ, хотѣли въ тоже время находиться въ общеніи съ церковію, какъ истинною, православною, — совершенно несправедлива.

Далѣе вы указываете на слѣдующіе факты изъ 1720 и 1721 годовъ. Когда нѣкоторые изъ старообрядцевъ пожелали присоединиться къ церкви и въ тоже время не хотѣли перемѣнить своего двуперстія на троеперстіе; то златоустовскій архимандритъ Антоній, бывшій судьей въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и завѣдывавшій, вмѣстѣ съ Ософилактомъ Лопатинскимъ, дѣлами по расколу, обратился въ Св. Синодъ съ донесеніемъ объ этомъ и въ этомъ донесеніи поставилъ такой вопросъ: какъ поступать ему съ тѣми, которые желаютъ присоединиться къ церкви, но своего двуперстія не перемѣняютъ и не проклинаютъ. Вы особенно ударяете на слова: «двуперстія не проклинаютъ». Но я долженъ сказать, что архимандритъ Антоній выразился въ этомъ случаѣ не вѣрно. Церковь никогда не налагала проклятія на двуперстіе и никогда не заставляла проклинать его присоединяющихся къ ней старообрядцевъ. Говоря, что расколь-

ники, желавшіе соединиться съ церковію, своего двуперстія не перемѣняютъ и не проклинаютъ, Антоній ссылался (вы заимствовали свидѣтельство объ этомъ предметѣ изъ полнаго собранія постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія, изъ I тома) на новую печатную присягу. По этой присягѣ, которую вы и сами цитируете, изданной въ 1720 году, по распоряженію Петра I, присоединявшійся къ церкви дѣйствительно долженъ былъ проклинать,—но что и какимъ образомъ? «Тѣхъ, которые сложеніе трехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихристовою нарицали и крестились не тремя, но двумя перстами». Такимъ образомъ, когда Антоній говорилъ, что присоединявшіеся раскольники, во исполненіе новопечатной присяги, не проклинали двуперстія, онъ выражался неправильно, и изъ его словъ нельзя выводить той мысли, будто бы Антоній дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по мысли церковной, или свѣтской власти, которая заставляла бы проклинать двуперстіе. Что же отвѣтилъ Св. Синодъ на его вопросъ? Онъ отвѣтилъ, какъ значитъ въ томъ же собраніи постановленій, что нужно увѣщавать присоединяющихся раскольниковъ, чтобы они оставили свое двуперстіе, и тѣхъ изъ нихъ, которые оставляютъ его и затѣмъ пожелаютъ приобщиться, приобщать,—впрочемъ «со опаснымъ смотрѣніемъ, дабы отъ таковыхъ раскольниковъ какого злаго вымышленнаго неупотребства не произошло». Для увѣщанія раскольниковъ составлены были Синодомъ «увѣщательные пункты», въ которыхъ говорилось слѣдующее: «въ церкви святой есть разнаго рода вещи,—такія, которыя святы и неизмѣнны,—это догматы вѣры, и вещи

среднія, свободно употребляемыя съ благочиніемъ, которыя ко спасенію ниже нужны, ниже вредны, и которыя служатъ только украшеніемъ въ церкви». Къ числу такихъ вещей относится и сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія. Вещь эта—средняя; тѣмъ не менѣе, замѣтилъ Синодъ, и среднія вещи «перемѣнять, или отставлять, или вновь заводить не всякій въ правѣ, особенно—частный человѣкъ; это—потому, что человѣкъ простой, но гордый, можетъ ввести подъ именемъ средней вещи нѣчто худое, или отставить нѣчто доброе и закономъ Божиимъ предписанное. Но отставлять и уставлять среднія вещи имѣютъ право только власти державныя христіанскія, совѣтомъ и согласіемъ духовныхъ пастырей, также соборы и соборныя правительства съ согласія державныхъ властей, на что есть много примѣровъ какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной церкви. Если кто вещь среднюю поставитъ или въ крѣпкій догматъ, или въ ересь, тотъ уже самъ еретичествуетъ; такъ какъ онъ то, что Богъ оставилъ намъ, какъ среднее, своимъ самоволіемъ узаконяетъ, какъ весьма нужное, или отвергаетъ, какъ богопротивное, и такимъ образомъ похищаетъ себѣ власть Божию, представляя себя властителемъ совѣстей человѣческихъ. А когда церковь чрезъ державную, или крайнюю духовную власть, или чрезъ соборы и соборныя правительства устанавливаетъ какіе либо средніе обряды,—тогда предлагаетъ ихъ намъ, не какъ догматы, но какъ благочинія, и подчиненные должны хранить такіе уставы по долгу послушанія своего и повинновенія властямъ. Но когда законная власть и отставляетъ, или перемѣняетъ нѣчто среднее, подчиненные должны не

противиться и этому; такъ какъ среднія вещи не сами собою сильны, но отъ воли властей законныхъ имѣютъ силу. Предложивъ это, спросить присоединяющагося, какъ онъ смотритъ на двуперстіе и троеперстіе, т. е., считаетъ ли ихъ догматомъ, или вещью среднею; если назоветъ догматомъ, то пусть докажетъ свое мнѣніе, чего онъ не докажетъ во вѣки; если же признаетъ среднею вещью, то пусть скажетъ, почему онъ не хочетъ переимѣнить своего образа сложенія перстовъ; а между тѣмъ, не желая переимѣнить своего перстосложенія, онъ является противникомъ церковной власти и въ то же время смущаетъ народъ своимъ перстосложеніемъ, которое само по себѣ не есть зло, но становится злымъ, вслѣдствіе неправильнаго пониманія его старообрядцами, какъ догмата вѣры, какъ свидѣтель ихъ непокоривой совѣсти, какъ символъ ихъ противленія власти. Раскольники не желающіе оставить своего перстосложенія, тѣмъ самымъ показываютъ, что они не искренно присоединяются къ церкви».

Изъ этого замѣчательнаго документа вы вывели однако странное заключеніе, будто бы синодъ совершенно отказалъ присоединять къ церкви тѣхъ раскольниковъ, которые не хотѣли оставить своего двуперстія, и отказалъ именно изъ за двуперстія; тогда какъ въ самыхъ увѣщательныхъ пунктахъ прямо объяснено, что, по мысли церкви, двуперстіе—вещь средняя, ни добрая, ни худая, и что если церковь осуждала употребленіе его раскольниками, то единственно потому, что видѣла въ немъ символъ противленія старообрядцевъ церковной власти, свидѣтельствовавшей о томъ, что они неискренно при-

соединялись къ церкви. Въслѣдствіе такого пониманія дѣла, я прихожу къ заключенію, что приведенныя вами слова златоустовскаго архимандрита Антонія и «увѣщательные пункты о перстномъ сложеніи», посланные ему Синодомъ въ отвѣтъ на его донесеніе о раскольникахъ, не желавшихъ оставить своего двуперстія, не подтверждаютъ вашей мысли о томъ, будто бы клятва Собора 1667 года касается собственно употребленія старыхъ обрядовъ, независимо отъ отношенія читателей этихъ обрядовъ къ церкви и власти церковной.

Далѣе, въ подтвержденіе своей мысли вы указываете на фактъ, который, признаюсь, смущалъ и мѣнил долгое время. Я имѣю въ виду распоряженіе Св. Синода, сдѣланное имъ въ 1722 году. Въ этомъ распоряженіи было сказано слѣдующее: «которые хотя церкви святой и повинуются и всѣ церковныя таинства приемятъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двумя перстами, а не троеперстнымъ сложеніемъ, тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ, и которые хотя по невѣжеству и отъ упорства то творять, обоихъ писать въ расколь, не взирая ни на что». Здѣсь, по видимому, полное подтвержденіе той вашей мысли, что церковь преслѣдовала собственно старые обряды и не дозволяла употребленія ихъ, хотя бы лица, державшіяся этихъ обрядовъ, желали быть въ общеніи съ нею. Я объясняю это распоряженіе Синода нѣсколько иначе, имѣя въ виду особія обстоятельства, которыми было полно царствованіе Петра I-го. Прежде всего, въ объясненіе указаннаго распоряженія Синода, я позволю себѣ указать вамъ на другое распоряженіе его, которое было сдѣлано

имъ въ 1724 году по тому же самому вопросу. Въ отвѣтъ на донесеніе митрополита тобольскаго Антонія, предлагавшаго Св. Синоду на разсмотрѣніе разные вопросы по расколу, Св. Синодъ въ указѣ на имя Антонія говоритъ слѣдующее: «которые епархіи его христіане троеперстнаго къ крестово-ображенію сложенія не приемяютъ, а двойнаго оклада платитъ не хотятъ, хотя они церкви святой и придерживаются знатно *подъ видомъ*, понеже въ перстосложеніи противятся, такихъ *по содержанію Е. И. В. указа* и синодальнаго 1722 г., февраля 28-го, опредѣленія по 11 пункту, писать въ расколъ, не взирая ни на что». Мысль тутъ таже самая, что и въ распоряженіи Синода 1722 г., но есть и одна особенность. Св. Синодъ высказалъ здѣсь подозрѣніе относительно искренности обращенія къ церкви людей, которые хотѣли оставить за собой свое двуперстіе. Я послѣ докажу, что это подозрѣніе было весьма основательно; а теперь замѣчу, что я привелъ указъ Св. Синода отъ 21-го октября 1724 года потому, что въ немъ Св. Синодъ, въ основаніе своего распоряженія ссылается прежде всего на указъ Е. И. В. Признаюсь, я не знаю этого указа; не знаю даже, былъ ли такой указъ, хотя Св. Синодъ и указываетъ на него прямо. Впрочемъ, изъ того, что я не знаю этого указа, еще не слѣдуетъ, чтобы его дѣйствительно не было. Г. Есиновъ говоритъ, что доселѣ не найденъ и первоначальный указъ Петра о платѣ пошлины за ношеніе бороды; можетъ быть, и относительно указа, упоминаемаго Синодомъ, должно сказать тоже самое. Во всякомъ случаѣ Синодъ, отвѣчая на вопросъ митрополита Антонія, какъ посту-

пать ему съ людьми, которые хотя перкви придерживались знатно подъ видомъ, но крестились двумя перстами, и повелѣвая писать такихъ въ расколъ, указалъ, въ основаніе своего распоряженія, прежде на указъ Его Императорскаго Величества и затѣмъ уже сослался на свое распоряженіе 1722 года. Имѣя въ виду это обстоятельство, я ставлю вопросъ: не было-ли первоначальнаго распоряженія относительно разсматриваемаго нами предмета со стороны свѣтской власти, которая, не входя въ разсмотрѣніе, что такое обряды, содержимые раскольниками, такъ какъ Петръ Великій вообще не входилъ въ эти вещи, говори: «пусть вѣруютъ (раскольники), какъ хотятъ», лишь бы платили двойной окладъ, —поставовила считать раскольникомъ всякаго, кто крестился двумя перстами,—и нельзя-ли послѣ этого смотрѣть на указанныя распоряженія Св. Синода, какъ на указы, издаваемые имъ подъ стороннимъ вліяніемъ, т. е. подъ вліяніемъ свѣтской власти? Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Пѣтиримъ, совѣты котораго имѣли самое сильное вліяніе на характеръ Петрова законодательства по расколу, еще въ 1719 или 20 году рекомендовалъ Петру брать штрафъ «противъ сущихъ раскольниковъ вполы» со всѣхъ, крестящихся двумя перстами, «аще ли оныя и по всему перкви повинуются».

Впрочемъ, если даже предположить, что «не состоялся объ этомъ предметѣ указъ Е. И. В.»,—и въ такомъ случаѣ можно объяснить указанный взглядъ Синода на двуперстіе не въ томъ смыслѣ, какой придаете ему вы. Составъ Синода въ то время вамъ извѣстенъ; главными дѣйствующими въ немъ членами

были: Θεодосій Яновскій, Θεофанъ Прокоповичъ и др.; а это, какъ извѣстно, были такіе усердные исполнители правды воли монаршей, которые готовы были написать, по желанію Петра, всякія вещи, съ которыми, можетъ быть, сами и не мирились въ душѣ, но которыя были согласны съ правительственными видами самодержца; а виды правительства состояли вотъ въ чемъ. Петръ I, узнавъ о громадномъ числѣ раскольниковъ и нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ (въ 1716, или 14 г.) извлечь изъ нихъ пользу для казны и для этого обложилъ ихъ двойнымъ окладомъ. По видимому, мѣра эта была хороша для раскольниковъ, и они должны были согласиться на нее, такъ какъ платежъ двойнаго оклада, хотя онъ былъ и двойной, избавлялъ ихъ отъ несенія другихъ государственныхъ повинностей, которыхъ было очень много въ царствованіе Петра. Тѣмъ не менѣе большинство раскольниковъ уклонилось отъ двойнаго оклада не столько потому, что для нихъ было тяжело платить эти деньги, — хотя всегда были люди, которымъ платить двойной окладъ было не по карману, — сколько потому, что записаться въ двойной окладъ значило признать себя открыто раскольникомъ, тогда какъ старообрядцы считали себя сынами древле-православной церкви. Кромѣ того, записью въ двойной окладъ имъ не хотѣлось подчинить себя такому лицу, о которомъ тогда же было составлено у нихъ сочиненіе, подъ названіемъ: «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Поэтому, какъ ни выгодно было раскольникамъ платить двойной окладъ и пользоваться за это правомъ на открытое существованіе, они всячески уклонялись отъ него. Между тѣмъ и для Петра было

весьма выгодно имѣть какъ можно больше двойнаго оклада, и потому онъ употреблялъ самыя энергическія мѣры противъ, такъ называемыхъ, тайныхъ раскольниковъ, уклонявшихся отъ переписи. Для того, чтобы не платить оклада, не записываться въ раскольники, нѣкоторые изъ старообрядцевъ вздумали присоединяться къ православной церкви. И дѣйствительно, извѣстно, что во времена Петра не мало присоединялось къ православной церкви раскольниковъ. Но присоединеніе это совершалось не добровольно, а подъ «тѣсноту штрафовъ и окладовъ», какъ говорится въ одномъ литературномъ памятникѣ того времени, и потому было неискренно. Зная это, правительство свѣтское издало въ 1720 г. «чидъ, како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», по которому присоединяемый, въ доказательство искренности своего обращенія, долженъ былъ проклинать «вся ереси и отступства и злохуленія и расколы». Чтобы не считаться раскольниками и не платить оклада, многіе старообрядцы готовы были, какъ писалъ Антоній, «новопечатную присягу по указу исполнить», готовы были признать себя сынами православной церкви, ходить въ нее, даже принимать ея таинства, однимъ словомъ: не прочь были разстаться (разумѣется, притворно) со всѣми своими обрядами, только никакъ не соглашались оставить своего двуперстія и перемѣнить его на троеперстіе. Почему? Потому, что еще первые расколоточители, опредѣляя отношенія своихъ послѣдователей къ православной церкви, разрѣшили имъ, на случай крайней нужды, притворное участіе въ православномъ богослуженіи, даже въ таинствахъ право-

славной церкви, или, по крайней мѣрѣ, не безусловно осудили такое участіе, назначивъ за него разнаго рода знитиміи; не позволили только расколуучители ни подѣ какимъ условіемъ оставлять двуперстія и перемѣнять его на троеперстіе. Такъ еще протопопъ Аввакумъ писалъ, что кто въ случаѣ нужды неволею причастится никоніанскія жертвы, тотъ съ вѣрными не долженъ сообщаться шесть мѣсяцевъ и плакать предъ вѣрными грѣха своего ради. Тотъ же Аввакумъ писалъ, что если кто будетъ привлеченъ неволею и нуждою къ никоніанскому пѣнію, въ ихъ церковь, тотъ пусть стоитъ, творя Іисусову молитву, а пѣнія ихъ не слушаетъ, не молится и не крестится, а послѣ ищетъ прощенія отъ вѣрныхъ помощи своей ради. Почему же не крестится? Вы знаете, что въ старыхъ книгахъ на не крестящихся двумя перстами была положена клятва, которая и смущала старообрядцевъ—оставлять двуперстіе,—какія бы обстоятельства ни принуждали къ тому,—и креститься тремя перстами—печатію антихристовою, принявшій которую уже не можетъ надѣяться на спасеніе. На основаніи сказаннаго, я и думаю, что когда въ царствованіе Петра, вслѣдствіе нежеланія платить окладъ и записываться раскольниками, многимъ старообрядцамъ пришлось по неволѣ присоединяться къ православной церкви, они дѣлали это не искренно, или, какъ выразился Синодъ въ указѣ 1724 г., «знатно подѣ видомъ»; чтобы явить себя, какъ выразался Синодъ въ другомъ указѣ «подѣ видомъ благочестія» и «укрыть свое раскольство», они готовы были исполнить все, что было предписано въ Чинѣ, изданномъ въ 1720 г., и—проявлять все; не могли

только, по неправильному выраженію архимандрита Антонія, проклясть двуперстія, такъ какъ въ древнихъ книгахъ была положена клятва на тѣхъ, кто рѣшился бы креститься не двумя перстами. Если же нѣкоторые изъ старообрядцевъ и рѣшались на это, то все таки, дѣлаясь мнимо-православными, не переставали креститься двуперстно; а чтобы скрыть это отъ православныхъ, они употребляли разные уловки, на примѣръ, шили длинные рукава на своемъ платьѣ, чтобы можно было креститься незамѣтно, или, по выраженію одного памятника, «изъ рукава», крестились быстро, или, по выраженію того же памятника, «весьма скорымъ маханіемъ»; другіе, при входѣ въ православную церковь, становились въ углу, «тулились по папертямъ, ныряли по предмостіямъ», чтобы кто либо не замѣтилъ ихъ «непокорности церкви святѣй», состоявшей въ томъ, что мнимые сыны православной церкви не хотѣли креститься по православному, не хотѣли разстаться съ своими двумя перстами. Въ такое-то время и при такихъ обстоятельствахъ въ Св. Синодѣ возбуждается вопросъ о томъ: какъ поступать съ тѣми изъ раскольниковъ, которые изъявляли желаніе присоединиться къ церкви, но не хотѣли оставить своего двуперстія. Съ одной стороны, понимая, какъ трудно было истому раскольнику искренно присоединиться къ церкви въ царствованіе Петра, многими дѣйствіями котораго смущались даже православные, и какъ, вслѣдствіе этого, много старообрядцевъ обращалось въ церкви только «подъ видомъ», чтобы избѣжать двойнаго оклада, съ другой, зная по опыту, какое значеніе придавали раскольники своему перстосложенію, зная, что старообрядцы,

чтобы «укрыть свое раскольниковство», готовы были все исполнить, чего требовала «новопечатная присяга», въ надеждѣ загладить этотъ грѣхъ покаяніемъ и разнаго рода эпитиміями, только не хотѣли оставить своего дуперстія, и поступали такъ потому, что обращались къ церкви неискренно, оставаясь въ душѣ раскольниками,—церковное правительство постановило: считать раскольникомъ и писать въ двойной окладъ всякаго, кто крестился двумя перстами, хотя бы онъ церкви святой повиновался и таинства ея принималъ,—и постановило, можно думать, въ цѣляхъ правительства свѣтскаго, т. е. для того, чтобы отнять у потаенныхъ раскольниковъ возможность уклоняться «подъ одеждою православія» отъ платежа двойнаго оклада и даже «воздвигать гоненіе на церковь» и на государство; хотя нельзя не сознаться, что по такому признаку раскольниковства могли попадать въ раскольничій списокъ не только всѣ раскольники и даже, такъ называемые, тайные, но и многія лица вполнѣ православныя по своимъ убѣжденіямъ.

Далѣе вы указываете въ подтвержденіе своего мнѣнія на то обстоятельство, что когда въ 1726 г. прислано было поручикомъ Петромъ Зиновьевымъ, который занимался сборомъ двойнаго оклада съ раскольниковъ въ новгородской и псковской губерніяхъ, нѣсколько иконъ, оставшихся послѣ бѣглыхъ раскольниковъ, и когда оказалось, что на иконѣ Божіей Матери во облацѣ былъ изображенъ нѣкто молящійся съ дуперстнымъ сложеніемъ для изображенія крестнаго знаменія,—Синодъ распорядился: написанный на иконѣ Божіей Матери, «безъ подписи,

по раскольническому вымыслу, съ изображеніемъ двуперстнаго къ крестному знаменію сложенія кумиръ истребить». По поводу этого распоряженія вы замѣчаете, что если клятва Собора 1667 года наложена была не на содержаніе, такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, а на употребляющихъ эти обряды съ противленіемъ церкви, то какъ могла церковная власть образъ, на которомъ былъ изображенъ молящійся двумя перстами, назвать кумиромъ? Прежде всего, Синодъ назвалъ кумиромъ не образъ пресвятой Богородицы, на которомъ былъ изображенъ нѣкто молящійся двуперстно, а самое изображеніе этого молящагося. Во вторыхъ, по моему мнѣнію, онъ имѣлъ право назвать это изображеніе кумиромъ—не потому, что здѣсь былъ написанъ молящійся двумя перстами, но потому, что былъ изображенъ нѣкто, т. е. неизвѣстное лицо, и вотъ почему. Въ это время у раскольниковъ вошло уже въ обычай, такъ какъ расколъ прожилъ довольно лѣтъ, изображать на иконахъ своихъ первыхъ расколоучителей, какъ святыхъ. Что я говорю правду, это видно изъ другаго распоряженія Св. Синода, относящагося къ 1724 году и находящагося въ томъ же собраніи постановленій, изъ котораго и вы взяли приведенный вами фактъ объ истребленіи Синодомъ кумира въ 1726 году. Въ 1724 году розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія доносила Синоду, что въ ней находится икона, на которой раскольническимъ вымысломъ написанъ предъ образомъ Спасителевымъ съ двумя ангелами на престолѣ крестъ осмиконечный, а въ предстояніи бывший раскольникъ Аввакумъ. Имѣя въ виду это обстоятельство, можно по всей справедливости допустить,

что изображеніе иѣкоего, молящагося двуперстно, было названо кумиромъ и уничтожено Св. Синодомъ не потому, что здѣсь было написано лицо, молящееся двумя перстами, какъ думаете вы, а потому, что было изображено лицо неизвѣстное церкви и, вѣроятно какой либо расколоучитель, такъ какъ въ то время изображать расколоучителей на иконахъ уже было въ обычаѣ у старообрядцевъ. Икону, на которой былъ изображенъ Аввакумъ, Синодъ также велѣлъ сжечь, снявъ съ нея изображеніе не только образа Спасителя и св. ангеловъ, но и креста осьмиконечнаго. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, рассмотрѣнное мною распоряженіе Св. Синода не относится къ вашей мысли.

Далѣе вы указываете на слѣдующее распоряженіе (1729 г.) Синода. Когда одинъ священникъ, совершившій молебенъ для записнаго раскольника и лишенный за это сана, раскаялся впоследствии, Св. Синодъ велѣлъ испытать его и, въ случаѣ дѣйствительнаго раскаянія, учинить ему очистительную присягу «съ публичнымъ всѣхъ раскольническихъ лжеученій и суевѣрій проклятіемъ». Но это не значитъ, будто Синодъ велѣлъ проклинять испытуемому двуперстіе, сугубую аллилуію и вообще старые обряды, а значитъ только то, что онъ велѣлъ ему прочесть присягу, которая была издана, по распоряженію Петра, въ 1720 году и по которой каждый, присоединявшійся къ церкви, раскольникъ долженъ былъ говорить слѣдующее: прокливаю всѣхъ, которые считаютъ Никона еретикомъ и неправославнымъ, которые называютъ церковь неправославною и еретическою, книги церковныя новоисправленныя—растлѣнными и еретическими,

тайнства церкви православной—неправославными и неистинными тайнами и т. п. Правда, въ этой присягѣ рѣчь идетъ и о старыхъ обрядахъ, но въ какомъ смыслѣ? «Проклинаю, долженъ былъ говорить присоединяемый, сложеніе трехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихрестовою нарицающихъ..., трикратное глаголаніе аллилуія и имя Іисусово, пишемое: Іисусъ—ересію, и крестъ четвероконечный—идоломъ, кумиромъ, мерзостію запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ» и т. д. Значить, тутъ проклятіе падало не на старые обряды и не на содержаніе ихъ, а на отношеніе читателей этихъ обрядовъ въ церкви православной и ея обрядамъ. Что же касается того, почему Синодъ велѣлъ учинить такую присягу раскаявшемуся *священнику*, бывшему прежде православнымъ, то и въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго. Узнавши, что многіе священники укрывали раскольниковъ, выдавая ихъ за православныхъ, и чрезъ то освобождали ихъ отъ двойнаго оклада, который былъ такъ необходимъ Петру, что онъ считалъ подобный обманъ священниковъ грѣхомъ, смердящимъ безбожіемъ, и лицъ, которыя укрывали раскольниковъ, призналъ противниками власти, Петръ, а за нимъ и Синодъ установили присягу не только для тѣхъ, кто отъ раскола обращался къ церкви, но и для тѣхъ, кто хотѣлъ въ царствованіе Петра поступить во священника; это для того, чтобы священникъ, связанный присягою, въ которой долженъ былъ проклинать раскольничьи заблужденія и хулы ихъ на церковь и ея обряды, не могъ въ послѣдствіи потворствовать раскольникамъ и укрывать ихъ; а обратившійся отъ раскола «попъ», по дѣйствовавшему въ то время за-

кону, допускался до «священнодѣйства», если оказывался достойнымъ, «по разуму и по постоянству».

Далѣе вы указываете на распоряженіе Св. Синода отъ 1737 года, состоявшее въ томъ, что когда были присланы ему взятая у одного раскольника иконы, на которыхъ было изображено двуперстіе, или по выраженію указа, была допущена «неисправность въ перстномъ рукъ сложеніи»,—Синодъ велѣлъ переправить иконы и затѣмъ отдать ихъ раскольнику съ обязательствомъ, чтобы впредь исправленные иконы не были переправляемы по раскольническому суетумудрію. Но и это распоряженіе объясняется просто и ни мало не подтверждаетъ вашей мысли о томъ, будто бы клятва Собора 1667 г. падала собственно на содержаніе старыхъ обрядовъ. Зная, какую роль играетъ двуперстіе для раскольниковъ, Св. Синодъ еще въ 1722 г. издалъ распоряженіе, чтобы иконописцы не изображали на иконахъ противнаго, по раскольническому мудрованію, перстосложенія, т. е. двуперстія, не потому впрочемъ, чтобы двуперстіе было такъ ненавистно церковной власти,—Синодъ зналъ, что въ православныхъ храмахъ находится множество иконъ самыхъ древнихъ и священныхъ, на которыхъ изображено двуперстіе,—но потому только, что не хотѣлъ давать православнымъ лишняго повода къ соблазну и совращенію въ расколъ, а раскольникамъ лишняго основанія къ упорству въ заблужденіи; такъ какъ Синодъ зналъ, «что раскольники большее упрямство и твердую вѣру емлютъ, смотря на противное начертаніе перстовъ на иконахъ».

Наконецъ, какъ на послѣднее доказательство вашей мысли, вы указываете на слова Питирима, ко-

торый, на вопросъ раскольниковъ: можетъ-ли нынѣ священникъ служить на 7 просфорахъ литургію, отвѣчалъ, по вашимъ словамъ, что евхаристія, совершенная на семи просфорахъ, не можетъ быть сущее тѣло Христово и сущая кровь Христова. Я долженъ сказать вамъ, что вы совершенно извратили смыслъ Птиримова отвѣта. Не имѣя подъ руками «Пращицы» и потому не въ состояніи будучи привести буквально слова Птирима, я могу только передать вамъ точный смыслъ его 212 отвѣта, который состоитъ въ слѣдующемъ: апостолы, писалъ Птиримъ, опредѣлили дважды быть собору; потомъ св. отцы постановили—однажды. Литургія составлена Іаковомъ, братомъ Господнимъ,—Василій Великій измѣнилъ ее, а Златоустъ сократилъ литургію Василіеву. Вообще можно привести много примѣровъ того, что церковь нѣкоторыя, прежде установленныя ею, чиноположенія въ послѣдствіи измѣняла, или даже совершенно оставляла; однако тѣхъ, которые слѣдовали этому чиноположенію, пока оно не было измѣнено, не осуждала и не проклинала, хотя послѣ того, какъ то или другое чиноположеніе было измѣнено, или оставлено, она отлучала и извергала отъ себя всякаго, кто, противясь повелѣнію церковной власти, вздумалъ бы слѣдовать прежнему, измѣненному уже церковію, чиноположенію. И у насъ въ древности совершали литургію на 7 просфорахъ; и такъ какъ это дѣлалось русскою церковію по невѣдѣнію, а не по противленію восточной церкви, то никто изъ служившихъ іереевъ не былъ проклятъ и отлученъ восточными патріархами. Но теперь, когда послѣдовало исправленіе книгъ и соборъ, на которомъ присутствовали восточные па-

тріархи: Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій, ввелъ пятипросфоріе и другіе обряды, а тѣхъ, кто противился его опредѣленію, извергъ, отлучилъ и лишилъ священства,—служить литургію на 7 просфорахъ можетъ только противникъ церковной власти. И потому, если нынѣ нѣкоторые попы, «невѣжди суще, вами прельщенніи и весьма развращенніи, дерзнуть тако служить, *противящися* восточной и великороссійской церкви и соборной клятвѣ», такіе «суть прокляты и отлучены и извержены и весьма священнослуженія обнажены. И отъ таковыхъ, соборомъ проклятыхъ и изверженныхъ и священства обнаженныхъ, не можетъ быти суще святое тѣло Христово и кровь Христова»,—не потому, очевидно, что они служатъ на 7 просфорахъ, а потому, что за переходъ свой на сторону раскола они прокляты, лишены сана и слѣдовательно, по мысли Питурима, не имѣютъ власти и права совершать литургію.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, всѣ, приведенныя вами, доказательства не подтверждаютъ вашей мысли о томъ, будто бы Соборъ 1667 г. изрекъ свою клятву собственно на употребленіе старыхъ обрядовъ—безъ отношенія къ тому, въ какомъ отношеніи чтители этихъ обрядовъ находятся къ церкви.

Затѣмъ, какъ вамъ извѣстно, есть другая еще мысль, которую раздѣлялъ и преосв. митрополитъ Филаретъ,—мысль та, что клятва наложена Соборомъ на людей, изъ за старыхъ обрядовъ отдѣляющихся отъ церкви и хулящихъ ее, и что употребленіе этихъ обрядовъ само по себѣ—виѣ этой клятвы. Съ этою мыслию согласенъ и я, и доказательства ея изложены мною въ статьѣ, мною неподписанной и напечатан-

ной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за прошлый годъ въ маѣ мѣсяцѣ. Теперь я кратко изложу эти доказательства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Собора 1667 г., до одного новгородскаго митрополита, именно—Питирима, который былъ председателемъ собора 1666 г. и членомъ Собора 1667 г.,—стали доходить извѣстія о томъ, что въ его епархіи многіе попы служатъ литургію по старопечатнымъ служебникамъ на семи просфорахъ. Питиримъ дѣлаетъ по этому предмету такое распоряженіе: призвавъ къ себѣ поповскихъ старость и десятскихъ священниковъ, онъ повелѣваетъ имъ учинить заказъ крѣпкій всѣмъ священникамъ, которые служили по старымъ книгамъ, чтобы они оставили эти книги и купили исправленные, новыя книги; а у просфорницъ велѣлъ отобрать старыя печати, или дорники, и обязать ихъ подпискою купить новыя. Вы видите, что здѣсь нѣтъ ни наказанія, ни клятвы на виновныхъ священниковъ, а между тѣмъ, если бы Соборъ 1667 г. наложилъ клятву собственно на употребленіе этихъ обрядовъ, наказанія и даже клятва должны бы были быть. Правда, когда Питиримъ узналъ, что и послѣ этого распоряженія продолжается служба по старымъ книгамъ,—онъ требуетъ, чтобы непокорныхъ священниковъ выслали въ Новгородъ съ провожатыми, очевидно, для употребленія надъ ними дисциплинарныхъ мѣръ, угрожая жестокимъ наказаніемъ тѣмъ, которые бы стали продолжать служить по прежнимъ книгамъ. Но я нахожу, что это, хотя бы и жестокое, наказаніе всетаки не есть клятва. Здѣсь шла рѣчь о наказаніи—не потому, что священники служили по старымъ

книгамъ, — прежде Пителирь не наказывалъ за это, — а потому, что и послѣ обязательства — купить новыя книги, они всетаки продолжали служить по старымъ, и такимъ образомъ не исполнили своего обѣщанія и оказались неповорными распоряженію своего епархіальнаго архіерея. Такъ дѣйствовала Пителирь, также поступали: другой новгородскій митрополитъ Корнилій, устюжскій епископъ Геласій и многіе др. Но вотъ вопросъ: старообрядцы говорятъ, что эти лица могли снисходительно относиться къ старымъ обрядамъ по сочувствію къ нимъ, — потому, что сами питали къ нимъ бѣольшую или меньшую склонность. Притомъ указанныя распоряженія — дѣло частныхъ лицъ, а не власти церковной, которая, слѣдуя своимъ личнымъ симпатіямъ, могли забывать опредѣленіе Собора и дѣйствовать вопреки его опредѣленію. Хотя предположеніе это весьма неправдоподобно, тѣмъ не менѣе въ опроверженіе его я укажу на слѣдующій довольно крупный фактъ. До патріарха Іоакима доходитъ слухъ, что въ новгородской епархіи служатъ по старымъ книгамъ, что этихъ книгъ и въ приходскихъ церквахъ и въ монастыряхъ весьма много. Патріархъ, вмѣсто того, чтобы разразиться влѣтвой и анаемой на виновныхъ, велѣлъ только новгородскому митрополиту Корнилію отобрать старыя книги и прислать ихъ въ Москву, обѣщая выслать вмѣсто старыхъ новыя книги; а на случай, если бы какой нибудь священникъ и послѣ этого сталъ служить по старому служебнику, утаивъ его, патріархъ опредѣлилъ только власть на виновнаго пеню въ 10 рублей. Затѣмъ, вспомните стрѣлецкій раскольничій бунтъ въ 1682 году. Толпа раскольниковъ врывается къ патріарху

для объясненій; идутъ шумныя и буйныя объясненія; одинъ изъ раскольниковъ говоритъ патриарху: за чѣмъ вы жжете насъ за крестное знаменіе и за молитву? Патриархъ отвѣчаетъ: нѣтъ, мы за крестное знаменіе и за молитву не жжемъ; мы жжемъ за то, что вы называете насъ еретиками, что вы хулите нашу церковь и соблазняете народъ, а креститься можете, кто какъ хочетъ: двумя перстами, или тремя. Я заимствовалъ этотъ фактъ изъ раскольничьяго сочиненія Саввы Романова, который, какъ видите, говоритъ далеко не въ пользу раскольниковъ, упрекавшихъ православную власть за то, будто бы она жжетъ за крестное знаменіе и за молитву. Значить свидѣтельству его можно вѣрить. По окончаніи бунта патриархъ разослалъ по всеѣмъ епархіямъ свое сочиненіе: —Увѣтъ духовный—для того, чтобы епископы могли руководствоваться имъ при состязаніи съ раскольниками. Въ этомъ сочиненіи онъ не нападаетъ ни на двуперстіе, ни на сугубую аллилую, ни на другія обрядовыя особенности, содержимыя старообрядцами. Онъ говоритъ только, что эти особенности неправильны, что введенныя православною церковію обряды правильнѣе и точнѣе выражаютъ мысли, въ нихъ заключающіяся; касательно же старыхъ обрядовъ замѣчаетъ, что напр. осмиконечный крестъ мы (т. е. православные) также почитаемъ, какъ и четвероконечный, и что вы (т. е. раскольники) не найдете ни одного распоряженія церкви, которымъ бы повелѣвалось оставить осмиконечный крестъ: онъ точно также—животворящій и истинный крестъ, какъ и четвероконечный. О разности въ символѣ вѣры Іоакимъ говоритъ, что мы (православные) сердцемъ вѣруемъ, усты

же исповѣдуемъ и велегласно воиѣмъ: «Духа Святаго быти Бога истиннаго» но не прибавляемъ слова: истиннаго къ символу—потому, что его нѣтъ въ греческомъ. Очевидно, тутъ далеко нѣтъ той строгости въ сужденіи о содержимыхъ старообрядцами и единовѣрцами обрядахъ, какая должна бы была быть неизбежна, если бы Соборъ 1667 г. наложилъ свою клятву собственно на употребленіе старыхъ обрядовъ. Далѣе я укажу на инструкцію патріарха Адріана, въ которой онъ касается, между прочимъ, и вопроса о расколѣ и ограничиваетъ свое распоряженіе по этому предмету тѣмъ, что даетъ поповскимъ старостамъ приказъ наблюдать, чтобы священники служили по новымъ книгамъ,—на пяти просфорахъ, совершали кругохожденія противъ солнца, однимъ словомъ: чтобы новые обряды соблюдались вполнѣ; относительно же тѣхъ лицъ, которыя бы позволили себѣ служить иначе, онъ не говоритъ ни слова, и замѣчаетъ только въ одномъ §, что съ раскольниками нужно поступать строго, держать ихъ «въ крѣпости»—не за то, что они содержатъ свои старые обряды, а за то, что хулятъ вѣру и развращаютъ народъ, а нѣкоторые, кромѣ того, сожигаютъ своихъ послѣдователей.

Перехожу ко времени Св. Синода. Въ этомъ случаѣ я указываю на тѣ пункты, которые уже привелъ, на «пункты увѣщательные» относительно двуперстія. Право, читая эти пункты безъ предвзятой мысли, нельзя не придти къ тому заключенію, что церковная власть, если и допустить, что она не принимала въ церковь тѣхъ, кто не хотѣлъ оставить своего двуперстія, хотя объ этомъ нѣтъ ни слова въ отвѣтъ Синода на донесеніе Антонія,—дѣйствовала

такъ не потому, чтобы употребленіе этого обряда, который называла средисю вещью, считала невозможнымъ въ союзѣ съ церковью, а потому, что видѣла въ двуперстіи символъ противленія употребляющихъ его «законнымъ властямъ и духовному правительству», свидѣтельство ихъ ненокорривой, злой, немиролюбивой и гордо еретичествующей совѣсти, и была увѣрена, что человѣкъ, который, присоединяясь къ церкви, не хотѣлъ въ тоже время оставить двуперстія, обращается не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемерно, неискренно, что въ царствованіе Петра случалось очень часто. Впрочемъ, что я понимаю «увѣщательные пункты» Синода правильно, безъ предвзятой мысли (на Антонія, златоустовскаго архимандрита, вызвавшего своимъ донесеніемъ эти пункты, полагаться нельзя, такъ какъ онъ — я забылъ сказать объ этомъ прежде, — былъ человѣкъ двусмысленный и, какъ оказывается изъ современныхъ ему свидѣтельствъ, самъ придерживался раскола, или, по крайней мѣрѣ, потворствовалъ ему, и слѣдовательно смыслъ его донесенія Синоду можно объяснить заднею мыслию), — такъ, какъ понимали эти пункты другія лица, близкія къ дѣлу, доказательствомъ этого можетъ служить сочиненіе Θεофилакта Лопатинскаго: «Обличеніе неправды раскольничьей». Онъ вмѣстѣ съ Антоніемъ занимался дѣлами по расколу въ приказѣ церковныхъ дѣлъ. Къ нему же вмѣстѣ съ Антоніемъ были посланы и «увѣщательные пункты» относительно двуперстія; а между тѣмъ онъ вынесъ изъ этого распоряженія Синода вотъ какое убѣжденіе относительно двуперстія, которое и высказалъ въ своемъ сочиненіи: «сложеніе перстовъ въ знаменіи крестномъ не токмо расколь-

ническое, но и всякое другое, не есть членъ вѣры, всякому ко спасенію потребный», писалъ Теофилактъ, и затѣмъ на вопросъ: «почему же, если сложеніе перстовъ раскольническое такая неважная вещь, подвергаютъ раскольниковъ наказаніямъ, за что ихъ проклипаютъ» (опъ разумѣлъ въ этомъ случаѣ не клятву Собора 1667 г., а проклятіе, которое долженъ былъ произносить каждый, присоединяемый къ церкви, раскольникъ по чину, изданному, по повелѣнію Петра, въ 1720 г., и въ которомъ проклипаюсь собственно не двуперстіе, а отдѣленіе отъ церкви раскольниковъ изъ за двуперстія и другихъ обрядовъ и хулы ихъ на обряды православія), отвѣчалъ, что это дѣлается не за двуперстіе, а зато, что раскольники двуперстіе возводятъ въ догматъ и «отметающую безуміе ихъ церковь православную безмѣрно хулятъ», называя ее церковію еретическою, лишенною всякой святости; если бы раскольники подъ своимъ двуперстіемъ не имѣли сего смертоноснаго яда, но держались его отъ простоты и невѣдѣнія, они не подвергались бы никакимъ наказаніямъ, не заслуживали бы клятвы и раскольничего имени; но такъ какъ они дѣлаютъ это не отъ простоты, но отъ злобы, и тѣхъ, кои держатся троеперстія, даже христіанами не почитаютъ, то поэтому они достойны и клятвы и названія: раскольникъ, какъ противники церкви и истинѣ. Изъ этихъ словъ ясно, что Теофилактъ понималъ распоряженіе Синода о двуперстіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ понимаю его и я, т. е., что Синодъ преслѣдовалъ собственно не употребленіе обряда, а неправильное, оппозиціонное отношеніе читателей его къ церкви. Доказывать-ли вамъ, что и другіе пастыри

церкви, кромѣ Феофилакта, смотрѣли также снисходительно на употребленіе старыхъ обрядовъ? Не входя въ подробности, я приведу свидѣтельство Игнатія, митрополита тобольскаго, который оставилъ три посланія къ своей паствѣ. «Православные, писалъ онъ, объ молитвы Иисусовы употребляютъ, т. е., и «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ», и «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій». «Я въ моей епархіи, писалъ св. Димитрій Ростовскій, позволяю употреблять и молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», лишь бы только употребляющій ее не былъ зараженъ ересью аріевою». Вы сказали, между прочимъ, что ни въ буквѣ, ни въ тонѣ опредѣленія Собора 1666—67 годовъ вы не нашли ни малѣйшаго указанія на возможность удерживанія того или другаго стараго обряда, а между тѣмъ, не говоря уже о только-что приведенныхъ свидѣтельствахъ, и на Соборѣ молитва съ словами: Сыне Божій—не была окончательно отвергнута. Впрочемъ это—частный вопросъ; а вотъ другое свидѣтельство того же Димитрія Ростовскаго, изъ котораго видно, какъ онъ смотрѣлъ на всѣ вообще старопечатныя книги со всѣми, содержащимися въ нихъ, особыми обрядами. «Старыя и новыя книги едино суть, писалъ святитель; и новыя книги тому же Богу вѣровать учать, коему и старыя, тѣ же догматы вѣры и новыя книги въ себѣ содержатъ, кои и старыя; тѣмъ же добрымъ дѣламъ и новыя книги поучаютъ, коимъ и старыя, и нѣтъ никакого противнаго ученія въ новыхъ книгахъ, какъ и въ старыхъ». Это говорилось въ началѣ XVIII-го столѣтія, далеко до учрежденія единовѣрія; слѣдовательно, если бы клятва Собора 1667 года была наложена собственно на упо-

требленіе старыхъ обрядовъ—безъ отношенія къ тому, какъ читатели ихъ относятся къ церкви,—ростовскій святитель не могъ бы такъ снисходительно отзываться о всѣхъ вообще старыхъ книгахъ и содержащихся въ нихъ старыхъ обрядахъ. Затѣмъ, не приводя свидѣтельства изъ увѣщанія митрополита Платона, изданнаго за 20 и болѣе лѣтъ до начала единовѣрія, и замѣтивъ только, что если онъ говорилъ, что старые и новые обряды суть одно и тоже, что тѣ и другіе не противны вѣрѣ и ученію церкви,—то говорилъ потому, что мнѣніе его объ этомъ предметѣ было, такъ сказать, отголоскомъ того, что говорила относительно разсматриваемаго предмета и церковная власть, начиная съ Собора 1667 года до временъ митрополита Платона,—я позволю себѣ привести нѣсколько соображеній о послѣдующей дѣятельности митрополита Платона, которыя дадутъ мнѣ возможность остановиться на одномъ изъ вашихъ доказательствъ, прежде мною не разобранномъ. Я разумѣю въ этомъ случаѣ отвѣтъ митрополита Платона на просьбу московскихъ старообрядцевъ—разрѣшить прежде положенныя на ихъ обряды клятвы. Въ числѣ доказательствъ того, что соборная клятва была наложена собственно на употребляющихъ старые обряды—безъ отношенія къ тому, враждовали-ль эти лица противъ церкви, или хотѣли быть въ союзѣ съ нею, вы указали на то, что, когда московскіе старообрядцы просили митрополита Платона снять положенную на двуперстіе и другіе обряды клятву, онъ не только не сказалъ, что клятва наложена не на тѣхъ, кто хранитъ старый обрядъ, не враждуя противъ церкви, а на тѣхъ, кто изъ за этихъ обрядовъ отдѣляется отъ нея, но даже ни од-

нимъ словомъ не упомянулъ о Соборѣ 1667 года. Я нахожу, что нельзя такъ толковать отвѣта митрополита Платона на первый пунктъ просьбы московскихъ старообрядцевъ. «Разрѣшить ихъ отъ клятвы: ибо хотя она была наложена на нихъ правильно, что они и сами признаютъ, но такъ какъ нынѣ они сближаются, или паче соединяются съ церковью, и истину ея и таинства и священство ея признаютъ дѣйствительными, — то и нужно разрѣшить клятву, чтобы совѣсть ихъ не была отягощаема ею, — хотя клятва остается и впредь *на отторгающихся отъ церкви*, т. е. на тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые изъ за своихъ особыхъ обрядовъ не находятъ въ себѣ нравственной возможности соединиться съ церковью», — вотъ — точный смыслъ перваго отвѣта митрополита Платона на просьбу московскихъ старообрядцевъ, — смыслъ тотъ, что клятва была наложена не на старые обряды и не на употребленіе ихъ (когда нѣкоторые изъ московскихъ старообрядцевъ выразили желаніе соединиться съ церковью, признавъ дѣйствительными ея таинства и священство. митрополитъ Платонъ призналъ *необходимымъ* разрѣшить ихъ отъ клятвы, хотя они и оставались при старыхъ обрядахъ); но на отторгающихся отъ церкви изъ-за обрядовъ, на не признающихъ ея іерархіи и таинствъ. Впрочемъ, уже одно то обстоятельство, что митрополитъ Платонъ устраивалъ, такъ называемое, единовѣріе, показываетъ, по моему мнѣнію, что онъ понималъ клятву Собора 1667 года такъ, что она не касается употребленія старыхъ обрядовъ; иначе онъ не могъ бы допустить единовѣрія — съ его особыми обрядами.

Что же касается вашего упрека митрополиту Платону въ томъ, почему онъ въ своемъ отвѣтѣ не упомянулъ даже о Соборѣ 1667 г., то, по моему мнѣнію, ему и не было необходимости упоминать о немъ. Въдѣ только инокъ Никодимъ, прося о разрѣшеніи клятвы, ссылался на Соборъ 1667 года; въ просьбѣ же московскихъ старообрядцевъ не было о немъ и рѣчи, а просто высказывалось желаніе, чтобы были разрѣшены прежде положенныя клятвы на двуперстіе и другіе обряды, причемъ разумѣлась не одна клятва Собора 1667 г., а и всѣ вообще «жестокословныя порицанія» на старые обряды, находящіяся въ разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ. Слѣдовательно, о Соборѣ 1667 года митрополиту Платону не было надобности вести особенной рѣчи. Наконецъ, что касается тѣхъ «жестокословныхъ порицаній» на старые обряды, содержаемыя старообрядцами и дозволенныя единовѣрцамъ, которыя находятся во многихъ полемическихъ книгахъ, написанныхъ въ концѣ XVII и въ началѣ прошлаго столѣтія, и на которыя вы указываете въ подтвержденіе своей мысли о томъ, будто бы клятва Собора 1667 года касалась собственно употребленія старыхъ обрядовъ; то, во первыхъ, за дѣйствія частныхъ лицъ церковь не отвѣчаетъ: церковная власть можетъ только учить ихъ уму-разуму, но не можетъ брать на себя ихъ грѣхи. Во вторыхъ, эти жестокословныя порицанія, которыя дѣйствительно не желательны и такъ смущаютъ старообрядцевъ и нѣкоторыхъ единовѣрцевъ, были вызваны самими раскольниками и допущены православными писателями вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ. по которымъ и мы съ вами можемъ въ спорѣ позволить себѣ сказать другъ другу не особен-

но пріятныя вещи. Если же мы припомнимъ тотъ жесткій вѣкъ, когда писались бранчивыя полемическія сочиненія и когда, какъ извѣстно, наши предки не церемонились другъ съ другомъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, то жестокословныя «порицанія», которыми такъ недовольны старообрядцы, можно будетъ объяснить еще легче. А что эти «порицанія» вызваны самими раскольниками, доказать это очень просто. Такъ, на примѣръ, въ одномъ сочиненіи говорится, что «приличнѣе» раскольникамъ написать на своемъ двуперстїи слово—демонъ, на одномъ пальцѣ— «де», а на другомъ—«монъ», и выйдетъ—демонъ. Но чѣмъ была вызвана эта жесткость въ словѣ? Хулою раскольниковъ на православное перстосложеніе, на которомъ будто бы сидитъ сатана: на одномъ пальцѣ— «са», на другомъ—«та» и на третьемъ—«на». Впрочемъ, хотя такихъ укоризненныхъ выраженій ставить въ вину церкви нельзя, тѣмъ не менѣе справедливо можно желать, чтобы подобныя хулы на старыя обряды не допускались болѣе въ сочиненіяхъ православныхъ писателей, какъ того и требуетъ 16-й пунктъ правилъ о единовѣрїи, до послѣдняго времени не вполне точно исполнявшійся, и чтобы, для усвоенія старообрядцевъ и единсвѣрцевъ, эти жестокословныя порицанія были уничтожены въ книгахъ, уже изданныхъ. А если этого нельзя сдѣлать, такъ какъ пришлось бы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, передѣлывать прежде изданныя сочиненія, то желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы были сдѣланы къ указаннымъ выраженіямъ объясненія, подобныя тому, какое сдѣлалъ Св. Синодъ въ 1866 году въ предисловіи къ Псалтири и Часослову, относительно двуперстїя, и въ которомъ

онъ приглашаетъ православныхъ «съ миромъ взирать» на особые обряды единовѣрія, — или — чтобы было издано Синодомъ общее заявленіе о томъ, что онъ не раздѣляетъ указанныхъ выраженій; и это желательно тѣмъ болѣе, что имя Синода почти всегда примѣшивается къ неприятнымъ для старообрядцевъ и единовѣрцевъ порицаніямъ на содержимые ими обряды; такъ какъ многія книги, въ которыхъ находятся эти порицанія, изданы по благословенію Св. Синода.

Я разобралъ всѣ ваши доказательства, которыми вы стараетесь подтвердить то или другое изъ высказанныхъ вами въ концѣ чтенія положеній, и долженъ сказать, что не могу признать ихъ убѣдительными. Что же касается вашей главной и, если позволите выразиться, задней мысли, ради которой собственно вы и вели длинную рѣчь «о нуждахъ единовѣрія» и которая находится въ 5 положеніи; то я не прочь раздѣлить ее вмѣстѣ съ вами, только не по тѣмъ побужденіямъ, которыя вы указываете, т. е. не потому, что будто бы позволеніе единовѣрцамъ употреблять старые обряды находится въ противорѣчьи съ постановленіемъ Собора 1667 г., — я не признаю этого противорѣчія. — а потому, что клятва Собора 1667 г. понимается неправильно старообрядцами, многими изъ единовѣрцевъ и, какъ оказывается, нѣкоторыми даже православными, смущаетъ тѣхъ и другихъ и, можетъ быть, служить главною причиною того, что успѣхи единовѣрія доселѣ слишкомъ слабы. Имѣя въ виду все это, и я желалъ бы, чтобы было сдѣлано что либо съ клятвой Собора 1667 года, какъ и высказался объ этомъ въ своей статьѣ, по-

мѣщенной въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1870 годъ, но высказался весьма осторожно. Я не говорилъ, что нужно отмѣнить эту клятву, а только замѣтилъ, что, не ограничиваясь частнымъ разрѣшеніемъ каждаго, вступающаго въ общеніе съ церковію путемъ едино- вѣрія, старообрядца, церковь можетъ разрѣшить во- обще клятву Собора 1667 года, и на вопросъ—какъ это сдѣлать, отвѣчалъ, что удовлетворительное и благодѣтельное для церкви рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ мудрости самой церкви. Теперь замѣчу слѣдующее: будетъ ли издано отъ Св. Синода объ- ясеніе клятвы Собора 1667 года, т. е. объясненіе истиннаго значенія этой клятвы, или будетъ сдѣлано Синодомъ сношеніе по этому вопросу съ восточными патріархами,—та и другая мѣра, по моему мнѣнію, равно желательны, хотя настаивать на нихъ я не ви- жу никакой необходимости, такъ какъ это нужно *οικονομίας ὑφ' ἑσέως*, какъ вы выражаетесь въ одномъ мѣ- стѣ, т. е. ради домостроительства, а не для того, чтобы открыть Св. Синоду, дозволившему едино- вѣрію, возможность выйти изъ мнимаго противорѣчія Собо- ру 1667 года, на которомъ присутствовали и нѣкото- рые изъ восточныхъ патріарховъ. Впрочемъ, имѣя въ виду жалобы старообрядцевъ и едино- вѣрцевъ, я нахожу, что сношеніе Св. Синода съ востокомъ, кото- рый принималъ участіе въ рѣшеніи вопроса о нашихъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ, дозволенныхъ едино- вѣрцамъ, хотя и не прямое,—Пансіей александ- рійскій и Макарій антиохійскій, присутствовавшіе на Соборѣ 1667 года, были приглашены въ Москву соб- ственно для суда надъ патріархомъ Никономъ, а дру- гіе восточные патріархи подтвердили правильность

опредѣленій Собора 1667 года заочно, не читавши ихъ,—въ то время, когда ихъ просили признать Иконона снова патриархомъ,—было бы весьма полезно; но какъ это сдѣлать, рѣшать этого вопроса я не берусь.

И. Нильскай.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки